

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию Калининой Елены Александровны
«Система народного просвещения на Европейском Севере России в первой половине
XIX века», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
(специальность 07.00.02 – отечественная история)**

Представленное на защиту диссертационное исследование выполнено на тему, изучавшуюся фрагментарно, утверждения по которой имеют в историографии скорее иллюстративный характер. Автор исследования, Елена Александровна Калинина впервые провела комплексное изучение государственных архивов, зафиксировавших деятельность разноуровневых учебных заведений в регионе Европейского Севера России в первой половине XIX века. Территориально автор сконструировал изучаемый регион из трех губерний – Архангельской, Вологодской и Олонецкой.

Исследование проведено на обширном комплексе разнообразных источников. В него включены материалы региональных архивов, опубликованные правовые, распорядительные и отчетные документы, материалы периодических изданий и источники личного происхождения. Сотни документов, статей, отзывов. Объем этих текстов потребовал колоссальной работы по их систематизации и анализу. Но что обращает внимание – в этом комплексе доминируют тексты, зафиксировавшие административную активность министерских чиновников и подчиненных им руководителей школ. И это не выбор диссертанта. Характер документирования и отбор свидетельств на хранение в Российской империи изучаемого времени был таков, что исследователь получает в разных вариантах и из разных архивохранилищ свидетельства одного и того же – просветительской деятельности правительства, информацию, приготовленную для его решений и отчеты о выполнении министерских постановлений. Именно поэтому власть и ее действия, намерения, заботы являются главными объектами изучения в российской историографии образования.

Структура диссертации Е.А. Калининой тоже подчинена этой логике: описана вертикаль власти в организации образования (от министра до смотрителя); созданные правительством структура и ступени школьной системы; потребности имперской власти в обученных выпускниках гимназий и училищ – будущих служителей государства, и наконец, главные объекты и деятели школьной жизни – учителя и ученики. По этим параметрам правительство заказывало школьным администраторам самоописания (формуляры и тексты отчетов для министерства народного просвещения), а также материалы визитаций и обзоров инспекций. По этим же параметрам министерство отчитывалось само перед Государственным советом и императором (публикации в Журнале Министерства народного просвещения, отдельно изданные отчеты). В бюрократической логике цифры роста школ, учеников, учителей, книг, столов, растений в школьном саду, решенных дел в канцелярии есть главные показатели успехов и качества образования. Елена Александровна свела такие данные ведомственных архивов в специальные таблицы, которыми сопровождается диссертация.

Обычно введение сравнительной перспективы (исследований по другим странам) помогает исследователям обнаружить дополнительные (не интересовавшие министерских чиновников) сюжеты в истории российского образования – частные образовательные инициативы, внегосударственные источники финансирования, историю создания единых образовательных стандартов, историю невведения обязательного начального образования в Российской империи, историю изобретения разных форм оценивания знаний воспитанников. При сопоставлении становится видно, что российское правительство так и не сформулировало, какого рода знания и компетенции оно хотело закладывать в школьные годы в будущих чиновников.

Главное научное достоинство данной работы я вижу в показе дистанции между намерениями и возможностями Российской империи. К архивным свидетельствам (то есть к государственному самоописанию) Елена Александровна добавила свидетельства иного рода и происхождения –

голоса учителей и наблюдателей-современников, написавших воспоминания или опубликовавших свои наблюдения, размышления в газетах и журналах. В результате такого соединения в диссертации появилось новое измерение – описание сбоев в работе государственного механизма, свидетельства постоянных противоречий между желаниями и декларациями столичных чиновников и весьма скудными финансовыми, а также административными возможностями местной инфраструктуры (см сюжеты со сборами денег на училища у местных городов, о преподавании классических и современных языков, о кадровом дефиците, о неоплате учительского труда). Такие точечные, полные красочных деталей наблюдения можно было сделать только из региональной перспективы. Из столичного далека (со страниц министерских отчетов) всё выглядело благополучно и неуклонно развивалось/ расширялось. То, что это не так, правительству становилось ясно лишь во время смены правлений или министерских команд. Тогда преемники начинали разоблачать достоверность отчетов прежних министерских чиновников.

Основные мои претензии по данной работе относятся к понятийному аппарату исследования, который является прямым отражением концептуальных установок автора.

Во-первых, диссертант использует слова «сеть» и «система» как синонимы и исходит из априорного признания, что с самого начала XIX века в России сложилась *система* образования. Между тем, на ее обоснование и создание были направлены все усилия специального комитета при Министерстве народного просвещения 1826 года и деятельность С.С. Уварова. Судя по всему, в отношении Александровской России мы можем говорить лишь о сети учебных заведений, слабо связанных между собою в организационном и еще хуже – в содержательном отношении. Они не имели единых учебных программ, единых стандартов обучения, универсальной структуры школьного курса, зафиксированной продолжительности обучения и слабо взаимодействовали друг с другом. Именно за отсутствие

«единообразия» и «единоначалия» критиковали своих предшественников на посту министра граф К.Х. Ливен и С.С. Уваров, а Николай I требовал от них благоустройства и наведения порядка в образовательном ведомстве. То есть создание системы образования в диссертации стоило бы проблематизировать.

Во-вторых, не прояснены понятия «общество» и «население», которые тоже используются как синонимы. Как известно, понятие «население» или «народонаселение» ввели камералисты XVIII века, которые так обозначили экономический потенциал человеческих ресурсов государства. Тогда же этот потенциал начали обсчитывать, описывать, говорить об эффективном управлении им и умножении. По-моему, Елена Александровна использует этот термин в другом смысле. В отношении «общества» тоже не все просто. Чиновники видели в этой группе соратников, единомышленников, людей западной образованности и ценностей. Автор диссертации не их имела в виду, говоря об объектах просветительской деятельности правительства. Лучше тогда использовать нейтральный термин «жители» или «обыватели».

В-третьих, автор заключила, что в отличие от правительства, у общества было «непонимание пользы» образования. Это утверждение из юбилейной риторики XIX века, использовавшей колониальные категории: «остров света в океане тьмы». А почему собственно жители Карелии, Олонецкой и Вологодской губерний должны были испытывать потребность в научном секулярном знании? Знания ведь могут быть разными и вовсе не обязательно именно такой тип учености и образованности был единственно возможным. Потребность в западном знании, вернее в научном типе рациональности, была у чиновников, строящих модерное государство западного типа и нуждающихся в понимающих служащих. Они и насаждали школы и, подчеркивая свой труд и значимость, уверяли, что в деле просвещения (термин, взятый из риторики христианских миссионеров) они преодолевают непонимание «темных» аборигенов. Между тем, архаичный термин «народное просвещение» фигурирует в названии работы. При этом

автор не объяснил причин своего отказа от современного понятия «образование».

В тексте встречаются элементы модернизации прошлого. Явно диссертант оценивает изучаемые явления из ретроспекции, исходя из сегодняшнего дня, а не культурной ситуации того времени. Например, она говорит об отсутствии сословных и национальных ограничений в доступе к образованию. А какие могли быть в начале XIX века национальные ограничения, если наций в России не было. Даже русской нации современники не могли найти, хотя очень хотели. Академические исследователи писали о племенах и народах, то есть локальных общностях. В 1817 году появилось ограничение для евреев поступать на юридический факультет, но это отнюдь не национальная дискриминация. Это было традиционное религиозное ограничение: иудей не мог дать в суде присягу на Библии.

Но больше всего у меня не замечаний, а пожеланий и вопросов. В своём заключении автор указала на связь промышленного развития и образовательных реформ. Это важное наблюдение, которое требует разворачивания. На нем, например, построены исследования школьных реформ в Австро-Венгрии и в Прусском королевстве. А как реально в России были связаны изменения в промышленном производстве и в школьных программах обучения? В Пруссии понятно как: там на заводах и фабриках в 1830-е годы вводили стандарты качества промышленной продукции, унифицированные единицы веса, стоимости, параметры замеров, стандарты инструментов, конвейеры. Для такого технологического производства нужны были обученные технологиям рабочие. А в России было такое производство? Где и на каких предприятиях от рабочих требовался школьный аттестат, какие знания были нужны на мануфактурах, как их использовали?

Я также не нашла в диссертации ответа на вопрос, на который никто из исследователей пока не дал исчерпывающего ответа: а почему в 1830-е годы российскому правительству вдруг понадобилось, чтобы гимназисты освоили

классические языки? Они тренируют память и логику. И что из того? Можно учить стихи. Зачем русскому чиновнику, будущему канцеляристу латынь и греческий язык, если даже учителей для этого нет ни в университетах, ни в гимназиях? И почему в 1830-е годы городские думы и сельские общества северных губерний вдруг захотели отдавать свои скромные деньги на строительство и содержание школ?

В целом, диссертация Е.А. Калининой не только дала ответ на вопрос весьма скудных возможностях российского государства сделать европейски грамотными своих подданных, но она имеет большой потенциал для продолжения. Возможно, публичная защита и обсуждение текста стимулирует автора обратиться к разработке еще и озвученных мною вопросов.

Весь текст исследования написан хорошим литературным языком, он легко и увлекательно читается, содержит богатый и правильно оформленный научно-справочный аппарат. На поставленные в диссертации исследовательские проблемы в заключении даны авторские выводы. Основные научные результаты соискателя опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, внесенных в перечень журналов и изданий, утвержденных ВАК. А основные положения автореферата соответствуют содержанию текста диссертации.

В целом, изложенные в отзыве соображения и мнения позволяют мне сделать вывод о соответствии диссертации и автореферата Е.А. Калининой требованиям Положения «О порядке присуждения ученых степеней», Считаю, что Елена Александровна Калинина заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история.

Вишленкова Елена Анатольевна
доктор исторических наук (специальность 07.00.02 – отечественная история), профессор
Школы исторических наук Гуманитарного факультета
федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»
101000 Москва ул. Мясницкая, д.20
Телефон: 8-965-345-32-05
Электронная почта: evishlenkova@mail.ru

19.04.2018 г.

А.В.Иш

Подпись заверяю

*сведения о
деятельности
интернет и*

